
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО 7 ЛЕТ

Л.В. Бертовский

Кафедра уголовного права и процесса
Юридический институт Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена некоторым аспектам допроса детей младше 7 лет. Как показывает судебно-следственная практика, при принятии решения о привлечении к уголовной ответственности и вынесении обвинительного приговора судом за совершение указанных преступлений большое влияние на следователей и судей оказывают показания потерпевших детей, которые становятся краеугольным камнем обвинения. Чтобы информация, полученная от несовершеннолетнего, могла быть использована в качестве доказательства в суде, она должна быть получена только в процессе допроса с соответствующим оформлением протокола. При этом в процессе проведения следственного действия кроме следователя в обязательном порядке принимают участие законный представитель ребенка, психолог и педагог. В статье делается вывод, что особенность допроса несовершеннолетних заключается не в преждевременной оценке достоверности рассказанного, а в тех методах и приемах, которые, учитывая особенности развития ребенка, помогут получить от него наиболее полную, достоверную информацию. В данной статье рассматриваются методы, не получившие до сих пор широкого распространения, хотя они разработаны на основе практического опыта, и их эффективность подтверждена исследованиями, проведенными в процессе расследования тяжких и особо тяжких преступлений в Российской Федерации. Основные рекомендации по организации таких следственных действий сформулированы в соответствии с когнитивным развитием ребенка. Проведение монографического исследования по данной проблематике оказало бы пользу в работе сотрудников следственных подразделений, прокуроров, следователей, а также было бы полезно для студентов, аспирантов, преподавателей, ученых, представителей юридических учебных заведений, а также людей, заинтересованных в вопросах криминалистики и психологии. Принимая во внимание, что получение информации на допросе основывается на объективных законах психологии и криминалистики, представляется, что полученные результаты исследования могут быть использованы не только в практике российских правоохранительных органов, но и в других странах.

Ключевые слова: анкетирование, дети, допрос, несовершеннолетние, сенсомоторика, до следственный, криминология.

В последнее время количество сексуальных и других насильственных преступлений, имеющих то или иное отношение к детям, значительно увеличилось.

Как показывает судебно-следственная практика, при принятии решения о привлечении к уголовной ответственности и вынесении обвинительного приговора судом за совершение указанных преступлений большое влияние на следователей и судей оказывают показания потерпевших детей, которые становятся краеугольным камнем обвинения.

Здесь необходимо пояснить, что в соответствии со ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ в качестве доказательств допускаются:

- 1) показания подозреваемого, обвиняемого;
- 2) показания потерпевшего, свидетеля;
- 3) заключение и показания эксперта;
 - 3.1) заключение и показания специалиста;
- 4) вещественные доказательства;
- 5) протоколы следственных и судебных действий;
- 6) иные документы.

Таки образом, чтобы информация, полученная от несовершеннолетнего (независимо от возраста последнего), могла быть использована в качестве доказательства в суде, она должна быть получена только в процессе допроса с соответствующим оформлением протокола. Различного рода собеседования, интервью и т.д. в качестве доказательства рассматриваться не могут. При этом в процессе проведения следственного действия кроме следователя в обязательном порядке принимают участие законный представитель ребенка (родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства), психолог и педагог.

К использованию в расследовании преступлений показаний несовершеннолетних с самого начала становления криминалистики ученые и практики относились по-разному. Одна часть, такие как немецкий психолог О. Липман и русский криминалист В. Лобзин [9. С. 7], считали, что показания детей являются абсолютно недостоверными. Другие, такие как Ганс Гросс, занимали диаметрально противоположную позицию, полагая, что «Дети в возрасте не свыше 7–9 лет — самые правдивые свидетели. Любовь и ненависть, честолюбие и коварство, вероисповедание и сословие, положение в обществе и богатство — все это чуждо столь юному возрасту» [2].

Наверное, истина как всегда где-то посередине. Особенность допроса несовершеннолетних заключается не в преждевременной оценке достоверности рассказанного, а в тех методах и приемах, которые, учитывая особенности развития ребенка, помогут получить от него наиболее полную, достоверную информацию.

Некоторые современные исследователи не делают большой разницы между допросом несовершеннолетнего ребенка и человека с умственной неполноценностью, в связи с чем считают возможным использовать одинаковые методы допроса [17. Р. 209–218]. Представляется, что это не совсем правильный подход.

В самом общем виде умственную неполноценность можно представить как самый низкий уровень интеллекта. Следует отметить также и тот факт, что у умственно неполноценных людей могут возникать и расстройства личности.

Что касается ребенка, то он не является умственно неполноценным, так как его интеллект с возрастом меняется. В первые десять лет жизни человека интеллект постепенно повышается. Интеллект человека к 18–20 годам достигает

своего пика, хотя, конечно, человек совершенствует свой интеллект на протяжении всей жизни, учится, приобретает опыт и т.п. Многие исследователи интеллекта полагают, что интеллект 5-летнего ребенка составляет половину интеллекта взрослого, а интеллект 8-летнего ребенка достигает уже 80% интеллекта взрослого.

У этих двух категорий допрашиваемых имеются особенности в восприятии окружающей действительности, кодировании, сохранении и извлечении из долговременной памяти, хранящейся там информации.

Поэтому в целях оптимизации деятельности по получению доказательственной информации от каждой из вышеуказанных категорий допрашиваемых необходимо использовать разные, предназначенные только для конкретной группы интервьюируемых методы.

Достаточно часто возникает вопрос: «А с какого возраста можно допрашивать ребенка?». И здесь нет единых подходов. Известный советский криминалист Б.М. Шавер считал, что «в известных случаях нужные следователю сведения могут быть получены от ребенка 6–7 лет» [13. С. 38]. Другие авторы считают, что «...анализ специальной литературы позволяет сделать вывод о том, что с учетом акселерации минимальный возраст для несовершеннолетних, когда они могут быть допрошены, является 1 год и 7 месяцев» [8. С. 36]. Правда, этот самый анализ литературы авторами не приведен, но такое категоричное утверждение применительно к столь нежному возрасту, когда любой человек, имеющий детей, знает, насколько они по-разному развиваются, вызывает по меньшей мере недоумение. Поэтому представляется правильной позиция профессора Н.И. Порубова, который считает, что если предмет допроса ребенку понятен, он может быть допрошен независимо от возраста: «Имеется такая возрастная черта, за пределами которой допрос ребенка является совершенно бесполезным, но эта черта не может быть дана в виде конкретного указания возраста... Возраст этот может меняться в зависимости от индивидуальных особенностей ребенка и от тех фактов, о которых следует ребенка допрашивать» [11. С. 320].

Недавние исследования предоставили важную информацию о свидетельской памяти детей — жертв сексуального насилия. В нескольких полевых исследованиях специалисты исследовали точность памяти детей-жертв в тех случаях, когда обстоятельства произошедшего были подтверждены иными источниками (например, случайно зафиксированы на камерах видеонаблюдения) [27]. В другом исследовании объектами изучения были 8 детей в возрасте от 3 до 10 лет, подвергшихся сексуальному насилию со стороны ранее им незнакомого мужчины. Он похищал детей, доставлял их в укромное место, где совершал сексуальное насилие.

Дети дали показания полиции, при этом время, прошедшее от происшествия до допроса, составляло от одного дня до пяти лет. Преступник фотографировал во время преступления. Кроме того, он признался в содеянном и детально рассказал о совершенных им преступлениях. О самом сексуальном насилии рассказали только двое детей, однако все достаточно детально описывали события, предшествующие насилию.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дети способны дать объективные показания о произошедшем, а некоторые пробелы объясняются чувством страха, стыда и смущения, которые испытывают жертвы насилия [21. Р. 120–129; 23. Р. 1017–1074].

При получении вербальной информации в процессе расследования преступлений могут использоваться различные по форме интервью (здесь и далее, говоря об интервью, мы имеем в виду, что в Российском уголовном процессе такие интервью оформляются в виде допросов): структурированные, полуструктурированные и неструктурированные.

Структурированное интервью контролируется интервьюером (следователем). Цель — донесение до всех интервьюируемых (допрашиваемых) детей вопросов в одинаковом контексте, т.е., каждый ребенок подвергается влиянию таких же стимулов, как и другие (при расследовании аналогичных преступлений).

При полуструктурированном интервью интервьюер располагает рядом вопросов, которые встроены в общую схему интервью, но последовательность вопросов он может варьировать. Зачастую вопросы имеют несколько более обобщенный вид, чем это обычно происходит в структурированном интервью. Кроме того, интервьюер обычно обладает определенной свободой задавать дальнейшие вопросы, которые являются реакцией на то, что интервьюер рассматривает как важные и значимые ответы.

Проводя неструктурированное интервью, интервьюер обычно располагает просто в виде списка темы или вопросы, которые часто называют планом интервью. Стиль постановки вопросов, как правило, неформальный. Формулировка и последовательность вопросов варьируются от интервью к интервью.

Достаточно большое количество исследователей считают, что наиболее оптимальной формой получения информации от ребенка является проведение структурированного интервью. «В судебном контексте не рекомендуется проводить неструктурированные интервью. Даже тогда, когда интервьюеры хорошо подготовлены, они испытывают трудности, поэтому рекомендуется проводить интервью в структурированном или полуструктурированном формате» [29. Р. 5].

Примером реализации такого структурированного интервью, в котором следователю четко предписано, как себя вести, что говорить, что спрашивать у ребенка, может послужить широко известная работа, проведенная исследователями из Национального института Здоровья ребенка и развития человека (NICHD).

Наверное, это справедливо для тех случаев, когда следователь, не обладая достаточными познаниями в области детской психологии, самостоятельно осуществляет допрос ребенка. К тому же хочется отметить, что такие случаи наиболее распространены. Достаточно сложно обеспечить все следственные подразделения сотрудниками со знанием детской психологии, соответствующей материальной базой. Поэтому подготовленные, заранее сформулированные в понятном для ребенка формате вопросы окажут неоценимую помощь в получении необходимой информации.

Однако к достоинствам полуструктурированного или неструктурированного интервью в первую очередь относится возможность получения большего

объема информации, нежели в случае структурированного интервью. Например, в Московском и Санкт-Петербургском управлениях Следственного комитета РФ, когда возникает необходимость получить информацию от ребенка, используют специально оборудованные комнаты таким образом, чтобы ребенок не ощущал дискомфорта от незнакомой обстановки. Там есть игрушки, бумага с карандашами и т.д. У следователя в момент беседы имеется незаметный наушник, через который он слышит рекомендации детского психолога (как указывалось выше, в Российской Федерации в допросе несовершеннолетних кроме следователя обязательно принимают участие психологи), находящегося за непрозрачным с одной стороны стеклом.

Наши исследования показывают, что такая организация следственного действия намного повышает его эффективность. При допросе 29 детей в возрасте от 4 до 8 лет, которые сначала были допрошены в домашних условиях, а затем, в промежутке времени от 5 до 14 дней, в вышеуказанной комнате, с соответствующими он-лайн рекомендациями психолога, 21 из них сообщили дополнительную, значимую для расследования информацию. При этом допрос производился в неструктурированном формате, т.е. у психолога и следователя был только план допроса (например, необходимо узнать у ребенка, во сколько приходил незнакомый мужчина в квартиру, как он выглядел и что делал).

Сами вопросы, их формулировка и последовательность зависели от складывающейся ситуации (темы разговора, настроения ребенка, его отношения к обсуждаемым проблемам и т.д.). Проведенные исследования убедительно показали, что для качественной организации интервью с ребенком в неструктурированном или хотя бы в полуструктурированном формате следователю необходимо иметь базовые знания о детской психологии.

Особенности получения необходимой для расследования информации от несовершеннолетних различных возрастных категорий обусловлена в первую очередь спецификой их развития. Термин «развитие» относится к тем изменениям тела, интеллекта и поведения человека, которые происходят с течением времени благодаря как биологическим задаткам организма, так и его взаимодействию со средой. Эти процессы неразрывно связаны между собой и оказывают активное влияние друг на друга.

Применительно к теме настоящего исследования принципиальное значение приобретают вопросы, относящиеся к интеллектуальному развитию, то есть о том, как мы обращаем внимание и собираем информацию, как ее сохраняет и обрабатывает мозг, как мы думаем, формулируем свои мысли с помощью языка. Значительный вклад в изучение вопросов, посвященных развитию от младенца до взрослого человека, внес всемирно известный швейцарский психолог, специалист в области теории познания (генетической эпистемологии), психологии развития, психологии образования, экспериментальной и теоретической психологии Жан Пиаже. Он выделял четыре основных стадии в когнитивном развитии ребенка.

1. Сенсомоторная (от рождения до 2 лет).
2. Дооперациональная (от 2 до 7 лет).

3. Конкретных операций (от 7 до 11–12 лет).

4. Формальных операций (от 11–12 лет и старше).

Ж. Пиаже отмечал, что, во-первых, изменения внутри каждой стадии обычно количественны и линейны, тогда как изменения между стадиями имеют качественный характер, и во-вторых, последовательность прохождения этих четырех стадий обязательна, и, чтобы достичь очередной стадии, ребенок должен пройти через все предыдущие. Понятно, что указанные отграничения не связаны с календарным наступлением дня рождения. Много зависит и от индивидуальных особенностей ребенка, поэтому дооперациональная стадия может наступить не в 2 года, а, например, 2 года и 1 месяц, или в 1 год 11 месяцев (1).

На каждом из указанных этапов ребенок специфичным образом воспринимает, кодирует, запоминает, извлекает и воспроизводит информацию о происходящих вокруг него и с ним событиях. Поэтому и общение с ребенком требует специфических подходов в соответствии с этапом развития, на котором он находится.

Указанное обстоятельство и позволило сформулировать систему криминалистических рекомендаций по допросу несовершеннолетних в соответствии с этапами их развития, определенными Ж. Пиаже.

И хотя на настоящий момент подготовлены рекомендации для допроса детей, находящихся и на 3 и на 4 стадии развития, с учетом ограниченного объема публикации остановимся только на первых двух этапах.

Первая, сенсомоторная стадия (от рождения до 2 лет), включает несколько этапов. На первом (рефлекторном) этапе действуют врожденные и произвольные реакции. На следующем этапе рефлекторные схемы переходят под произвольный контроль. Когда эти «первичные» схемы, такие как сосание, смотрение и хватание, действительно согласованы — то есть когда младенец может не только одновременно посмотреть и схватить, но и посмотреть на что-либо с целью схватить это, — наступает следующий этап (вторичные схемы). Впоследствии ребенок может осуществлять поведение с определенной целью, а не просто действовать.

Именно к концу второго года жизни у детей формируется чувство Я. Так, было проведено исследование с участием маленьких детей, которым незаметно наносили на нос красное пятнышко и подводили к зеркалу. Тот факт, что дети узнавали себя в зеркале и подносили руку к своему носу, а не к зеркалу, свидетельствовал о наличии самосознания. До года ни один ребенок не проявлял даже признаков самосознания, тогда как более 70% детей в возрасте от 21 до 24 месяцев уверенно демонстрируют их [22. Р. 1–20].

С появлением самосознания ученые связывают и появление автобиографической памяти. Подтверждением этому служат чрезвычайно интересные исследования, проведенные Кэтрин Нельсон. Маленькая Эмили привыкла разговаривать сама с собой перед сном, лежа в кроватке. Когда девочке было от 21 до 36 месяцев, ее ночные монологи были записаны и проанализированы. В возрасте 21 месяца Эмили уже вспоминала события, произошедшие за два месяца до этого, например, поломку семейного автомобиля. По большей части ее монологи были неструктурированными и в них не упоминались такие важные события,

как Рождество или рождение младшего братишки. Обычно она говорила о таких заурядных вещах, как то, что за ней заехали к няне, или о том, как другие дети ссорились во время игры.

Многие из воспоминаний Эмили относились к минувшему дню, но были и такие, которые касались событий полугодовой давности. В возрасте 24 месяцев она начала формулировать четкие правила и делать обобщения («Нельзя спускаться в подвал в ночной рубашке», «Когда Эмили днем пойдет к бабушке... Эми иногда это делает»), а также размышлять о будущем («Может быть, доктор снимет мою рубашку»). Когда Эмили исполнилось три года, она перестала произносить монологи и исследования пришлось прекратить [25. Р. 3–10].

Психологи Джонс и Кругман в своем исследовании приводят пример, как девочка возрастом 2 года 6 месяцев, ставшая жертвой похищения и сексуального насилия со стороны незнакомца, который после этого оставил ее в шахте, с поразительной точностью описала не только последовательность событий, но и самого преступника [19. Р. 253–258].

Все это свидетельствует о том, что ребенок уже на первом этапе своего развития запоминает некоторые события, которые касаются лично его, и может при определенных обстоятельствах воспроизводить их. Поэтому в экстраординарных случаях попробовать получить от них хотя бы ориентирующую информацию вполне возможно. Имеются в виду вопросы о том, приходил ли кто-либо, разговаривал ли с ребенком, дарил игрушки или причинил ребенку боль и т.д.

В этом возрасте дети склонны расширять, сжимать или накладывать друг на друга категории, которыми они пользуются для определения того, к чему относятся слова, поскольку они часто не имеют общих со взрослыми знаний о культурно обусловленных функциях и свойствах объектов. Так, увидев воробья, ребенок может сказать «птичка», но может это значение расширить и также отнести к птичке корову, кошку, собаку, потому что они движутся. Или, увидев Луну, сказать «Уна», и точно также назвать олады и круглые печати на бумаге и т.д., так как они совпадают по форме [7. С. 264].

При этом нужно учитывать, что вербальное воспроизведение в данном случае проигрывает поведенческому воспроизведению или распознаванию. К 24 месяцам словарный запас ребенка не намного превышает 50 слов, и он употребляет фразы, состоящие из двух слов. Даже располагая ограниченным словарем и синтаксисом, дети способны передавать многочисленные значения с помощью жестов, интонации, контекстов. Поэтому при необходимости получения информации от детей в возрасте до 3 лет целесообразней предъявлять фотографии, рисунки, видеозаписи или попросить ребенка продемонстрировать то, что делал тот или иной человек.

Но реальная возможность получить уголовно-релевантную информацию от детей появляется только на дооперационной стадии (от 2 до 7 лет).

Свидетельством точности и важности показаний, которые могут быть получены в этом возрасте от ребенка, служит пример допроса изнасилованной трехлетней М. Из отрывочных фраз девочки мать поняла, что когда ее дочь собирала цветы неподалеку от дома, к ней подошел неизвестный мужчина, взял ее

на руки и отнес в лес. Там он раздел ее и изнасиловал. Когда девочка попыталась кричать, мужчина сдавил ей руками горло (это подтвердило заключение судебно-медицинской экспертизы). При допросе М. удалось выяснить, что одет он был в черный костюм, белую с высоким воротом рубашку и черные туфли. Девочке особенно запомнились туфли, так как когда преступник обувал ее, она смотрела на его ноги. Кроме того, М. указала, в каком направлении скрылся преступник. Через несколько дней преступник был задержан. Иные доказательства и его признание подтвердили показания девочки.

Среди многих ученых и практиков широко распространено мнение, высказанное еще З. Фрейдом, о том, что дети склонны замещать или подавлять воспоминания о совершенных в отношении них физическом или психическом насилии либо о других психотравмирующих обстоятельствах, и поэтому им труднее вспомнить эти обстоятельства в отличие от нетравмирующих. Однако последние исследования показывают, что это не так. Необычные и значимые события запоминаются лучше, чем повседневные. Большинство травмирующих событий и необычны и значимы, поэтому они запоминаются лучше. Вопрос заключается в том, как получить доступ к этим воспоминаниям.

Вот к каким выводам после изучения воспоминаний детей о травматичных и нетравматичных событиях, произошедших в их раннем детстве, пришли американские исследователи: «Между воспоминаниями о травматичных и нетравматичных событиях много общего. В частности, такие переменные, как возраст, отсрочка и природа события, влияющие на нетравматические воспоминания, являются также и важными детерминантами травмы в раннем детстве. Возраст в момент события представляется решающим фактором, определяющим возможность сознательного доступа к воспоминаниям о травматичном событии» [15. Р. 101–132].

В беседе с детьми, пережившими травмирующие ситуации, необходимо с самого начала успокоить ребенка, создать атмосферу благожелательности, дать ему понять, что он сейчас, и, особенно важно, в будущем будет находиться в безопасности, а люди, причинившие вред, будут изолированы и наказаны. В зависимости от ситуации можно предложить ребенку заменить образ нехорошего человека каким-нибудь другим образом, не вызывающим страха, и попросить рассказать о том, что делал уже новый персонаж.

Расспрашивать детей об эмоционально нейтральных для них обстоятельствах рекомендуется как можно раньше, когда в памяти малолетнего еще свежи воспоминания о наблюдаемом им событии, иначе он может дать искаженную информацию или забыть ее совсем.

В тех случаях, когда произошедшее могло сильно взволновать ребенка, лучше сделать небольшой перерыв и допросить его через 2–3 дня после события. За это время уменьшается эмоциональное напряжение и вызываемое им торможение процессов памяти. Нередко при таком отсроченном воспроизведении наблюдается явление «всплывания» в памяти деталей, которые не могли быть воспроизведены вскоре после события. Через 12–15 дней после восприятия фактов, воспоминания о них у ребенка начинают ослабевать, если они не вызывают у него особого интереса.

Кроме того, отмечено, что во время второго интервью дети более подробно рассказывают о произошедших с ними событиях, чем на первом [16]. Это происходит скорее всего вследствие двух причин:

– впервые оказавшись в ситуации интервьюирования один на один с незнакомым человеком, дети чувствуют неловкость и поэтому не решаются рассказывать слишком многое;

– сначала дети не очень доверяют интервьюеру и не желают с ним откровенничать. Во время повторной беседы они уже чувствуют себя более комфортно и уверенно, проникаются к собеседнику большим доверием, благодаря чему их рассказ содержит больше интересующей следствии информации. Однако следует отметить, что подобный эффект наблюдается после второго, максимум третьего интервью. К четвертому рассказу ребенок устает от повторов и сокращает количество упоминающихся деталей. Поэтому предлагается допрашивать ребенка два раза, в крайних случаях — три. В последующем результаты допроса будут ухудшаться.

Хорошие результаты для припоминания ребенком деталей произошедшего приносит метод погружения ребенка в ситуацию, в которой произошло событие.

Психологи Пристли, Робертс и Пайп провели исследование, посвященное восстановлению воспоминаний у детей путем возвращения на место события. Дети в возрасте от 5 до 7 лет участвовали в игре «В гостях у пирата». Они становились настоящими пиратами, рисовали карту, боролись за ключ и находили сокровище. Их воспоминания об этом событии тестировались спустя 6 месяцев. Дети в «контекстуальных условиях» интервьюировались в присутствии пиратских атрибутов, а дети в «условиях напоминания» накануне тестирования посещали комнату пирата. И те и другие условия оказались одинаково эффективными: в первом случае дети вспомнили в среднем 19,5 объектов информации, а во втором — 20,2. Результаты обеих групп на 40% превышают результаты группы, у которой не было ни восстановления контекста, ни напоминания [28. P. 1006–1019]. Однако нужно учесть, что если место события является местом происшествия и повторное пребывание там может вызвать у ребенка негативную реакцию, допрос лучше проводить в другой обстановке и ограничиться предъявлением отдельных объектов.

Момент начала допроса нужно выбирать с таким расчетом, чтобы дошкольник не был занят какой-либо игрой или другим нравящимся ему занятием. В этот период детям свойственен негативизм (2), который появляется в 2 года, достигает своего пика в 3,5–4 года и снижается к 6 годам. Обычно негативизм ребенка проявляется в режимных ситуациях — укладывание спать, купание и т.д.

Но наиболее резко негативизм проявляется в ситуациях, когда взрослый просит ребенка завершить какую-либо деятельность и перейти к другой («Заканчивай играть, пойдем кушать») [1. С. 100]. Поэтому если прервать его игру для допроса, то установление контакта с ребенком становится крайне затруднительным.

Одним из признаков того, что ребенок погружен в какое-то занятие и хочет избежать общения с кем-либо, является слегка высунутый язык. Если ребенку

кажется, что ему хочет кто-то помешать, он просовывает между сомкнутыми губами кончик языка. Но можно воспользоваться ситуацией, и по договоренности с родителями начать допрос с отмены какого-либо нелюбимого занятия, например, мама скажет: «Давай я сегодня за тебя уберу игрушки, а ты поговори с дядей-следователем».

Учитывая быструю утомляемость ребенка, его неспособность долгое время сосредотачиваться на одном и том же объекте, следователь не должен затягивать допрос. Дети в возрасте от 2 до 7 лет могут продуктивно давать показания в течение 20–25 минут. Если допрос все же оказывается продолжительным, то целесообразно устраивать специальные перерывы, во время которых малолетним следует представить возможность отвлечься, отдохнуть за игрой, успокоиться. После двух периодов допроса интеллект детей заметно снижается.

Дети допускают ошибки в определении расстояний, массы, объема, размеров различных объектов, но при этом с достаточной уверенностью опознают предъявляемые им объекты. Так, выполняя задание на узнавание, в которой малышам от 3 до 5 лет предъявлялось несколько предметов, дети в 81% случаев впоследствии правильно опознавали [24]. Поэтому для объективизации детских показаний хорошо зарекомендовал себя метод предъявления различных объектов с тем, чтобы ребенок выбрал объект, схожий по характеристикам с наблюдаемым им ранее.

При работе с малолетними целесообразно ориентировать их внимание на события, вызывающие у них положительные эмоции. Эту информацию можно получить от родителей или воспитателей ребенка. Удачным представляется прием предварительной беседы с другими детьми той же группы на нейтральные темы. Это делается для того, чтобы участники беседы сообщили допрашиваемому ребенку, что дядя (следователь) спрашивает о подготовке к празднику, об игрушках и т.д. Таким образом, у ребенка можно сформировать положительную установку на контактное общение. После беседы на нейтральную тему следователь незаметно может перейти к вопросам, которые непосредственно связаны с расследуемым преступлением [4. С. 50–51].

Для детей от 3 до 5 лет взрослый — это объект уважительного отношения, общение с ним имеет познавательный смысл. Для детей 5–7 лет взрослый — это старший друг, от которого дети ждут взаимопонимания и взаимопереживания. Поэтому при беседе с такими детьми следователь должен постоянно подчеркивать свое отношение к пережитому ребенком, показывая, что он на стороне ребенка.

Анализируя показания детей в этом возрасте, необходимо учитывать, что они часто демонстрируют свое реальное или мнимое преимущество над сверстниками, при этом пытаются скрыть свои неудачи и промахи.

Общение с застенчивыми, трудно вступающими в контакт детьми не следует начинать с прямого обращения к ним. Ребенку необходимо время, чтобы освоиться с новой для него обстановкой, присутствием незнакомых людей. Поэтому разговор лучше начинать не с ребенком, а о ребенке с сопровождающим его лицом или педагогом, постепенно вовлекая в разговор и ребенка, как бы уточняя, что говорится о нем. Когда контакт с ребенком не складывается, мож-

но прибегнуть к приему, основанному на многочисленных наблюдениях психологов и педагогов о том, что дети часто заинтересовываются людьми, не обращающими на них внимание, и, привыкнув к их присутствию, сами начинают пытаться вступить с ними в общение. В подобных случаях следователь может сделать вид, что совсем не интересуется ребенком, занимается своими делами, в то время как с ребенком разговаривает педагог [6. С. 23–24].

Определенные сложности возникают у следователей при установлении контакта с социально изолированными детьми. Мы все встречали таких детей, очень робких, стоящих в одиночестве в отдалении от своих сверстников. С ними очень сложно даже начать разговор. Они мгновенно замыкаются, и добиться хотя бы произнести свое имя становится чрезвычайно сложно. Для поиска средства преодоления данной ситуации представляется очень интересными результаты исследований, проведенные психологом Робертом О'Коннором. Он считает, что в раннем возрасте у таких детей формируется устойчивая модель изоляции, которая может создавать трудности для достижения социального комфорта. Пытаясь изменить данную модель, О'Коннор создал фильм, который включал в себя 11 различных сцен, снятых в обстановке детского сада. Каждая сцена начиналась показом необщительных детей, сначала лишь наблюдавших за какой-то социальной деятельностью своих сверстников, а затем присоединяющихся к товарищам к восторгу всех присутствующих.

О'Коннор выбрал группу особенно замкнутых детей из четырех детских учреждений и показал им фильм. Посмотрев его, дети стали гораздо лучше взаимодействовать со сверстниками. Еще более впечатляющими результаты оказались, когда О'Коннор через шесть недель вернулся проверить результаты эксперимента. Те социально неадаптированные дети, которые не видели фильма, остались такими же. А кто просмотрел его, в своих группах стали очень активными и в ряде случаев лидировали среди сверстников [26. Р. 327–334].

В настоящее время ведется множество разговоров на самых различных уровнях о необходимости специализации следователей, расследующих преступления, в процессе расследования которых в сферу уголовного судопроизводства вовлекаются несовершеннолетние. Представляется, что в распоряжении следователя, специализирующегося на расследовании указанной категории дел, будет иметься подобный видеоролик с сюжетом, в котором застенчивые дети успешно взаимодействуют со следователем и такое поведение получает одобрение со стороны взрослых, и что не менее важно — сверстников.

Хотя в этом возрасте словарный запас ребенка возрастает до 2000–2500 слов, его речь в большей степени пока носит диалогический характер, так как монологическая речь еще только формируется. Кроме того, нужно учитывать, что часть информации, которую маленькие дети сохраняют в памяти после того, как стали свидетелями какого-то события, находится в невербальной форме. Вследствие этого в процессе допроса можно просто не «добраться» до всей необходимой информации, которой они обладают. Поэтому лучше перед допросом попросить детей нарисовать то, что они помнят о событии, прежде чем начать задавать им вопросы.

Психологи Гросс и Хэйн привели пяти- и шестилетних детей на шоколадную фабрику «CadBury». Их сопровождала по фабрике женщина в пурпурном костюме, в цилиндре и с тростью, которая представилась Шоколадным Чарли. Воспоминания детей об этом событии тестировались через 1 день, через 6 месяцев и через год. В первых двух случаях (через 1 день и через 6 месяцев) были получены сходные результаты, причем дети, которых просили сделать зарисовки, вспомнили в своих вербальных отчетах на 30% больше информации, чем дети, которые ограничились только вербальным отчетом. Через год эффект был еще разительнее: дети, которые и рисовали, и отвечали на вопросы, вспомнили почти в два раза больше информации, чем дети, которые только отвечали на вопросы. Это положительное влияние не сопровождалось никаким увеличением числа ошибок, что позволяет предположить, что включение рисования в интервью может быть очень эффективным способом получения точной и достаточно полной информации о событии [18. Р. 265–283].

После того, как ребенок зарисовал свои воспоминания, можно приступить к формулированию тщательно подготовленных заранее вопросов. При этом по возможности следует избегать односложных вопросов, на которые можно ответить «да» или «нет». Например, если следователя интересует, входил ли определенный человек в подъезд дома, вместо того, чтобы спрашивать: «Заходил ли кто-нибудь в дом?», «Видел ли ты, как мужчина входил в дом?», лучше поставить вопросы: «Что происходило в это время рядом с домом?», «Кто входил в дом?». При такой формулировке вопросов ответы становятся многословными, а сам диалог становится более содержательным.

На этой стадии развития в поведении ребенка происходит сдвиг: зависимость от действия сменяется использованием мысленных представлений этих действий — к тому, что мы называем мышлением. Способность к представлению позволяет ему приобрести ряд новых важных способностей. Среди них — простейший вид инсайтного научения (научение по принципу озарения), при котором ребенок может просто посмотреть на задачу и решить ее, не производя каких-либо внешних действий. То есть он может сформулировать ответ у себя в голове и «осознать» верное решение. Благодаря способности к мысленным представлениям ребенок делает еще одно достижение — он научается притворяться и воображать «понарошку», в частности использовать объект для целей, для которых он не был первоначально предназначен. Например, одна из дочерей Пиаже использовала кусочек ткани в качестве подушки. Она брала эту ткань, засовывала палец в рот, ложилась головой на ткань и притворялась, что собирается спать. Способность к репрезентации лежит в основе языка и делает его использование возможным для ребенка.

Ребенок в этом возрасте, анализируя окружающий мир, переходит от частного к частному (трандуктивность), а не как взрослые от частного к общему (индукция) и, наоборот, от общего к частному (дедукция). Трандуктивное мышление ищет причины и следствия там, где их нет. Например, 4-летняя девочка встречает нищего мужчину с бородой. Она может предположить, что все мужчины с бородами являются нищими. Она потом может забеспокоиться, если

отец скажет, что планирует отпустить бороду, поскольку такое действие сделает его нищим.

Из-за того, что малыш не может одновременно удерживать в своих рассуждениях более одного отношения, он делает ошибки в суждениях, дает неадекватные или непоследовательные объяснения, не понимает законов сохранения, а его аргументам не хватает логической последовательности. Он уже мыслит, но это еще не полноценное мышление [12. С. 238].

Мышление ребенка в этот период развития характеризуется следующими особенностями: конкретностью, необратимостью, эгоцентризмом, центрацией и трудностями оперирования понятиями пространства, времени и последовательности.

Дети могут произнести слова, свидетельствующие о том, что он знает о времени и пространстве: «потом», «завтра», «вчера», «далеко», «другой раз». Но ребенок едва ли отдает себе отчет в том, что эти термины означают. «Полдень» может восприниматься им как время обеда, но если обед будет отложен на час, это все равно будет «полдень». Пробудившись от дневного сна, ребенок может даже не сознавать, что это тот самый день, что был с утра. Понятия недели и месяца, минуты и часа детям в этом возрасте осмыслить очень сложно, так же как и более общее понятие времени, являющего собой континуум прошлого, настоящего и будущего [7. С. 335].

Например, мальчик 3,5 года спрашивает у папы:

- «А ты был маленький?»
- «Был», следует ответ отца.
- «А тебя твоя мама, моя бабушка катала в коляске?»
- «Конечно» подтвердил родитель.
- «И меня бабушка катала, но как же мы с тобой в одной коляске помещались?»

Дети помнят события только в том порядке, в каком они происходили. Умение упорядочивать и запоминать информацию в более гибкой и свободной форме приходит позже.

Мышление дошкольников конкретно, т.е. они не способны иметь дело с абстракциями. Их мышление направлено на то, что происходит «здесь и сейчас», а также на физические объекты, которые они могут легко представить.

Поэтому при расспросах лучше постараться построить вопросы таким образом, чтобы ребенку не надо было делать какие-либо умозаключения, а просто воспроизвести произошедшие события.

К чему приводит нарушение этого правила, можно проиллюстрировать следующим образом: вместо того, чтобы спросить девочку по фамилии Костина, видела ли она, что ее брат 16 июля принес домой ряд вещей, скатерть, ботинки, платье, следователь ее спросил: «Мог ли Ваш отец не заметить, что брат принес скатерть, ботинки и платье?». Девочка ответила: «Папа все время смотрел за братом, и, конечно, все видел». На основании этого показания следователь сделал вывод, что отец обвиняемого видел похищенные вещи и привлек его к уголовной ответственности за сокрытие преступления сына. Позднее выяснилось, что брат допрошенной девочки действительно похитил вещи, но до-

мой их не заносил, а продал на рынке. Когда девочку допросили еще раз и спросили, зачем она сказала, что папа видел похищенные вещи, она пояснила, что этого она не говорила, а неоднократно слышала, как папа, наказывая брата за провинности, говорил ему: «От меня ничего не укроешь, я все вижу» [13. С. 38].

Детское мышление часто необратимо, то есть развитие событий, образование связей идет лишь в одном направлении. Дети не способны представить себе, что какой-то объект может вернуться в свое первоначальное состояние или что связи между объектами могут быть двусторонними. Необратимость хорошо проиллюстрирована в диалоге взрослого и 3-летней девочки:

- У тебя есть сестра?
- Есть.
- Как ее зовут?
- Джессика.
- А у Джессики есть сестра?
- Нет.

В данном случае связь имеет лишь одно направление: девочка знает, что у нее есть сестра Джессика, но еще не понимает, что она сама — сестра Джессики.

У 3–5-летних детей произвольное запоминание и произвольное воспроизведение — единственная форма работы памяти. Воспоминание могут быть достаточно длительными и точным, если события произвели сильное впечатление на ребенка. Однако если события были негативными, они могут быть вытеснены из памяти ребенком за достаточно незначительное время.

В этом возрасте дети эгоцентричны. Ребенок полагает, что все смотрят на мир его глазами и знают ровно столько, сколько знает он. А потому он не может лгать: все, что он сделал, с его точки зрения, доступно всем вокруг, даже если в комнате он один [10. С. 40]. Им трудно поставить себя на место другого. Например, предположим, вы уже съели три конфетки, а ваша сестра — только одну. На тарелке лежит еще одна конфетка. Кто, как вы полагаете, должен съесть последнюю, если вам 3 года? Конечно, вы, потому что вы еще хотите. На этой стадии вы не можете поставить себя на место сестры и представить, что чувствует она. Они воспринимают мир и соответственно запоминают события, в основном те, которые касались лично их. Поэтому, разговаривая с ребенком об интересующих следствии событиях, нужно строить вопросы таким образом, чтобы событие начиналось с самого ребенка, и только затем переходить к другим вопросам. Например, тебя чем-нибудь угощали? Какими конфетами? А кто? Какой дядя? Как он выглядел? И т.д.

Если в ходе допроса выяснится, что ребенок забыл какие-либо обстоятельства, рекомендуется подумать над тем, какие детали могли его заинтересовать в момент восприятия. При этом необходимо учитывать, что круг интересов несовершеннолетних значительно отличается от интересов взрослых.

У детей в этом возрасте преобладает образное мышление, т.е. ребенок, если его спросят, например: «Сколько лап у кошки?», в отличие от взрослого, который сразу ответит на этот вопрос, используя семантические репрезентации, сначала представит себе кошку, мысленно пересчитает ее лапы и только потом

выдаст ответ. Поэтому беседуя с ребенком, после каждого вопроса ему необходимо давать некоторое время для формирования образа и подготовки ответа.

При этом нужно учитывать, что для таких детей характерно концентрировать свое внимание на какой-то одной детали (причем не всегда самой важной), мало замечая другие аспекты события.

С самого раннего возраста ребенок может попадать в конфликтные ситуации (вплоть до драки), возникающие у него в процессе общения со своими сверстниками, или он может быть свидетелем таких событий. Конечно, произошедшее остается в памяти, но последовательность действий каждого из участника конфликта ребенок подробнее воспроизведет не вербально, а демонстрируя сначала свои действия, и затем своего оппонента.

Особенностью когнитивного развития ребенка на рассматриваемом этапе является материализация, то есть его вера в то, что объекты из фантазий и снов реальны.

В то же время известный криминалист профессор В.Н. Карагодин предупреждает, что в некоторых ситуациях нужно осторожно относиться к восприятию тезиса о сильно развитом воображении у детей, так как без учета индивидуальных особенностей конкретного ребенка это может привести к принятию весьма необдуманных правовых решений.

Четырехлетняя девочка рассказала своему отчиму, что находившийся у них в частном доме мальчик только что водил ее в баню, где заставлял касаться его полового члена как при мастурбации. 17-летний подросток тотчас же признался в содеянном. Однако через несколько дней при опросе в органах внутренних дел от этого признания отказался, заявив, что сделал его, опасаясь физической расправы со стороны отчима потерпевшей.

Девочка при опросе, который производился работником инспекции по делам несовершеннолетних, отвечала односложно, молчала, демонстрируя нежелание обсуждать случившееся. Присутствующая при этом мать стала кричать на ребенка, требуя сказать о том, что случилось, и девочка повторила, то, что сообщила отчиму.

Однако сотрудник милиции, проводившая опрос, посчитала, что ребенок фантазирует, и изложила свое мнение в письменном рапорте и объяснении. В связи с этим в возбуждении уголовного дела было отказано.

Должностные лица, принимавшие такое решение, не задумались над вопросом, откуда девочке был известен термин, используемый в обыденной речи для обозначения онанизма. Сам ребенок не мог придумать этого выражения и применить его, чтобы описать случившееся.

Воображение детей данного возраста основывается на их индивидуальном опыте. Поэтому девочка могла знать указанное выражение, только если она его уже слышала. Правильно же употреблять это слово она могла при условии, что видела действие, для обозначения которого использовала указанное выражение [5. С. 17].

Между тем необходимо особо отметить, что даже добросовестное желание детей сказать правду еще не свидетельствует о достоверности их показаний.

Дети очень подвержены внушению и самовнушению. Как показывают современные исследования, более подвержены внушению дети в младшем возрасте. Установлено, что от трех до четырех лет внушаемость возрастает, после чего с возрастом она уменьшается, и десяти- двенадцатилетние дети не более внушаемы, чем взрослые [3; 14. Р. 75–79].

Профессор Калифорнийского университета У.С. Томпсон со своими коллегами, изучая механизмы воздействия на память ребенка и решая вопрос о том, насколько можно доверять детским суждениям, в ходе эксперимента пятилетним детям показывал две сцены. В одной сцене «невиновный» уборщик Честер убирал игрушки в игровой комнате. В сцене «насилия» он делал то же самое, но обращался с игрушками грубо. После этого с частью детей разговаривал интервьюер-обвинитель, который соответствующими фразами давал понять, что уборщик проявлял насилие; с другой частью детей беседовал оправдывавший уборщика интервьюер, подводил к мысли о его невиновности. Третью часть детей расспрашивал нейтральный интервьюер, не выражавший своего мнения. Дети рассказывали о уборщике родителям сразу после интервью и спустя две недели.

Свидетельские воспоминания детей были преимущественно точными, если их расспрашивал нейтральный интервьюер, но, говорили о том, что уборщик совершал насилие, когда с ними разговаривал «обвинитель», и оправдывали его, когда интервьюер разговаривал как «адвокат» [30. Р. 405–426]. Кроме того, как свидетельствует судебно-следственная практика, ребенок тем больше склонен к внушению, чем больше доверяет следователю и расположен к нему.

Поэтому необходимо нейтрально, очень осторожно спрашивать об интересующих следствие обстоятельствах, формулируя вопросы таким образом, чтобы в них как можно меньше содержалось информации о произошедшем. Для того, чтобы оценить степень внушаемости ребенка, психологи Лондри и Бригем советуют в конце допроса задать ребенку несколько наводящих вопросов. Очевидно, что эти наводящие вопросы должны затрагивать второстепенные, а отнюдь не центральные аспекты обсуждаемой проблемы. Например, следователь намекает ребенку, что в комнате у нападавшего стоял аквариум (точно зная, что никакого аквариума в комнате нет), а затем наблюдает, как поведет себя ребенок. Если ребенок идет на поводу у этих специально заготовленных наводящих вопросов, это может свидетельствовать о его высокой внушаемости [20. Р. 663–676].

Но не только под влиянием предвзятого следователя могут быть искажены воспоминания, а соответственно и показания малолетних свидетелей. В уже упоминавшемся исследовании Брука и Сеси, детей дошкольного возраста в пяти разных интервью просили описать два реальных события (например, последнее наказание) и два вымышленных события (например, как они видели, что вор украл еду). К третьему интервью почти все дети уже считали, что оба вымышленных события произошли на самом деле [14. Р. 75–79].

Через определенное время после произошедшего, особенно если произошли другие не менее важные для ребенка события, малолетние сами порой не могут разобрать, где правда, а где вымысел.

Этому помогает и неспособность разделять источники поступившей информации. Так, если ребенок после произошедшего события смотрел телевизионные передачи, сопровождавшиеся насилием, то ряд сцен в дальнейшем он может включить в рассказ о реально произошедших событиях.

Внешность людей воспринимается детьми также весьма несовершенно. Если у человека нет каких либо отличительных признаков, бросающихся в глаза, ребенок самостоятельно не сможет его описать. Или его описание будет иметь значительные недостатки. Так, в ходе допроса 6-летний Саша сообщил, что грабитель был очень высокий и сильный. Впоследствии задержанным оказался очень тщедушного телосложения мужчина.

Профессор кафедры психологии и психофизиологии ребенка Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена Е.И. Николаева рассказывает: «Размеры вещей определяются их значимостью для ребенка. Однажды мы изучали то, как дети оценивают рост близких людей. У меня была палка с делениями высотой 2 метра 5 сантиметров. Чтобы ребенок мог достать до любого деления, к палке приставлялась лесенка. Когда детей просили показать рост отца, все без исключения поднимались на последнюю ступеньку и указывали на отметку 2 метра 5 сантиметров. Мамы получались чуть меньшего роста — дети останавливали руку около отметки 1 метр 90 сантиметров.

Себя дети оценивали достаточно точно, вспоминая, как их измеряли родители. Они становились к палке лицом, касались рукой макушки головы и вели линию до палки, насколько могли параллельно полу. Если у них были братья и сестры, то их рост напрямую зависел от возраста. Если родственники были старше ребенка, то, обычно, их рост стремительно приближался к росту родителей. Если они были младше, то их рост оказывался где-то около 10–20 сантиметров от пола. Но это не значит, что дети обманывали. Они так чувствовали. Значимость и любовь придавали взрослым фантастические размеры» [10. С. 45].

Дошкольники при восприятии внешности обращают большое внимание на лицо, котором фиксируют эмоциональные признаки: доброе, злое, страшное (лицо). В оценке возраста взрослых, у них проявляется смещение понятий «молодой» и «старый», хотя возраст других детей они оценивают точнее, чем возраст взрослых людей.

Поэтому к детским показаниям нужно относиться крайне осторожно, очень тщательно их проверять, скрупулезно сопоставляя с другими доказательствами по делу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Несмотря на некоторую критику работ Пиаже, большинство ученых разделяют идеи швейцарского ученого, в том числе и знаменитый советский психолог Л. Выгодский который в своей работе «Проблема возраста» в общем поддержал периодизацию Пиаже. Он указал, что в процессе развития ребенок переживает пять возрастных кризисов (1 года, 3, 7, 13 и 17 лет), которые являются определенным рубежом и сопровождаются последующими изменениями в интеллектуальном и физическом развитии. С учетом этого он и определил периоды жизни следующим образом: младенческий возраст

- (2 мес. — 1 год), раннее детство (1–3 года), дошкольный возраст (3 года — 7 лет), школьный возраст (8–12 лет), пубертатный возраст (14–18 лет).
- (2) Ребенок не выполняет требования взрослых, отрицает установленные правила и претендует на самостоятельное выполнение какой-либо деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Верaksa Н.Е., Верaksa А.Н.* Зарубежные психологи о развитии ребенка-дошкольника. — М.: Мозаика-Синтез, 2006.
- [2] *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. — М.: ЛексЭст, 2002.
- [3] *Захаров А.И.* Неврозы у детей и психотерапия. — СПб.: СОЮЗ, 1998.
- [4] *Зорин Г.А.* Криминалистическая эвристика. — Т. 2. — Гродно, 1994.
- [5] *Карагодин В.Н.* Расследование преступлений в отношении несовершеннолетних. — М., 2010.
- [6] *Коченов М.М., Осипова Р.Н.* Психология допроса малолетних свидетелей: метод. пособие. — М., 1984.
- [7] *Крайг П., Бокум Д.* Психология развития. — СПб.: Питер, 2010.
- [8] *Кузнецова С.В., Кобцова Т.С.* Тактика допроса несовершеннолетних. — М.: Экзамен, 2004.
- [9] *Лобзин В.* Допрос несовершеннолетних дошкольного возраста. — М., 1912.
- [10] *Николаева Е.* Как и почему лгут дети? Психология детской лжи. — СПб.: Питер, 2011.
- [11] *Порубов Н.И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве. — Минск: Высшая школа, 1973.
- [12] *Райс Ф., Должин К.* Психология подросткового и юношеского возраста. — СПб.: Питер, 2010.
- [13] *Шавер Б.М.* Допрос несовершеннолетних // Социалистическая законность. — 1938. — № 10.
- [14] *Bruck M., Ceci S.J.* The suggestibility of young children // Current Directions in Psychological Science. — 1997. — № 6.
- [15] *Cordon I.M., Pipe M.E., Sayfan L., Mclinder A., Goodman G.S.* Memory for trauma; experiences in early childhood // Developmental Review. — 2004. — № 24.
- [16] *Cutshall J.L., Yuille J.C.* Field studies of eyewitness memory of actual crimes // Psychological methods in criminal investigation and evidence / ed. by D.C. Raskin. — New York: Springer, 1989.
- [17] *Gordon N.J., Fleisher W.L.* Effective interviewing and interrogation techniques // Interviewing Children and the Mentally Challenged. — 3rd ed. — 2011.
- [18] *Gross J., Hayne H.* Drawing facilitates children's verbal reports after long delays // Journal of Experimental Psychology. — 1999. — № 5.
- [19] *Jones D.P.H., Krugman R.D.* Can a three-year-old child bear witness to her sexual assault and attempted murder? // Child Abuse and Neglect. — 1986. — № 10.
- [20] *Landry K.L., Brigham J.C.* The effect of training in Criteria-Content Analysis on the ability to detect deception in adults // Law and Human Behavior. — 1992. — № 16.
- [21] *Leander L., Christianson S.Å., Granhag P.A.* (2007). A sexual abuse case study: Children's memories and reports // Psychiatry, Psychology, and Law. — 2007. — № 14 (1).
- [22] *Lewis M., Brooks-Gunn J.* Toward a theory of social cognition: The development of self // New Directions for Child Development. — 1979. — № 4.
- [23] *Lyon T.D.* Child witnesses and the oath: Empirical evidence // Southern California Law Review. — 2000. — № 73.
- [24] *Myers N. A., Perlmutter M.* Memory in the years from two to five // Memory development in children / ed. by P. Ornstein. — Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.

- [25] *Nelson K.* Where do taxonomic categories come from? // *Human Development*. — 1988. — № 31.
- [26] *O’Konnor R.D.* Relative efficacy of modeling, shaping and the combined procedures for modification of social withdrawal // *Journal of Abnormal Psychology*. — 1972. — № 79.
- [27] *Paz-Alonso K., Ogle C.M., Goodman G.S.* Children’s memory and testimony in «scientific case studies» of child sexual abuse: A review // *Issues in investigative interviewing, eyewitness memory, and credibility assessment: Festschrift for John Yuille*. — NY: Springer, 2009.
- [28] *Priestley G., Roberts S., Pipe M.E.* Returning to the scene: Reminders and context reinstatement enhance children’s recall // *Developmental Psychology*. — 1999. — № 35.
- [29] *Saywitz K.J., Thomas D. Lyon, & Gail S.* Goodman Interviewing Children // *The APSAC handbook on child maltreatment*. — 3rd ed. — 2011.
- [30] *Thompson W.C., Clarice-Stewart K.A., Lepore S.J.* What did the janitor do? Suggestive interviewing and the accuracy of children’s accounts // *Law and Human Behavior*. — 1997. — № 21.

FEATURES OF QUESTIONING CHILDREN UNDER 7 YEARS

L.V. Bertovsky

The Department of Criminal Law and Procedure
Law Institute of Peoples’ Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article deals with some aspects of the interrogation of children under 7 years. According to forensic and investigative practice, when deciding whether to prosecute and conviction by the court for committing these crimes, a great influence on the investigators and judges have the testimony of child victims, who are the cornerstone of the prosecution. For using the information received from a minor as an evidence in court, it should only be obtained in the process of interrogation, with a corresponding registration of the protocol. At the same time not only investigator but also child’s legal representative, a psychologist and educator have to take part in process of investigative action. The article concludes that the peculiarity of the interrogation of minors is not to premature assess the validity of received information but to help getting the most comprehensive, accurate information by the methods and techniques that consider characteristics of the child. This article discusses the methods that are no so far widespread, although they are based on practical experience, and their effectiveness is confirmed by studies conducted in the investigation of grievous and extremely grievous crimes in the Russian Federation. The main recommendations for the organization of such investigative actions are formulated in accordance with the child’s cognitive development. Carrying out monographic studies on this subject would give a hand to employees in the investigative units, prosecutors, investigators, and it would be useful for students, teachers, scientists, representatives of law schools, as well as people who are interested in the issues of criminology and psychology. Taking into consideration that the process of obtaining information from an interrogee is based on objective laws of psychology and criminology, it seems that the findings can be used not only in the practice of Russian law enforcement agencies but also in other countries.

Key words: questioning, children, interrogation, young age, sensomotor, preoperational, criminology.

REFERENCES

- [1] *Veraksa N.E., Veraksa A.N.* Zarubezhnye psihologi o razvitií rebjonka-doshkol’nika [Foreign psychologists on the development of the preschool child]. — M.: Mozaika-Sintez, 2006.
- [2] *Gross G.* Rukovodstvo dlja sudebnyh sledovatelej kak sistema kriminalistiki [A guide for forensic investigators as a system of criminalistics]. — M.: LeksJest, 2002.

- [3] *Zaharov A.I.* Nevrozy u detej i psihoterapija [Children's neuroses and psychotherapy]. — SPb.: SOJuZ, 1998.
- [4] *Zorin G.A.* Kriminalisticheseskaja jevristika [Forensic heuristics]. — Vol. 2. — Grodno, 1994.
- [5] *Karagodin V.N.* Rassledovanie prestuplenij v otnoshenii nesovershennoletnih [Investigation of crimes against minors]. — M., 2010.
- [6] *Kochenov M.M., Osipova R.N.* Psihologija doprosa maloletnih svidetelej: metod. posobie [Psychology of questioning child witnesses: Toolkit]. — M., 1984.
- [7] *Krajc P., Bokum D.* Psihologija razvitija [Developmental Psychology]. — SPb.: Piter, 2010.
- [8] *Kuznecova S.V., Kobcova T.S.* Taktika doprosa nesovershennoletnih [The tactics of interrogation of minors]. — M.: Jekzamen, 2004.
- [9] *Lobzin V.* Dopros nesovershennoletnih doshkol'nogo vozrasta [The questioning of minors of preschool age]. — M., 1912.
- [10] *Nikolaeva E.* Kak i pochemu lgut deti? Psihologija detskoj lzhi [How and why do children lie? Psychology of children's lie]. — SPb.: Piter, 2011.
- [11] *Porubov N.I.* Dopros v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve [Interrogation of the Soviet criminal trial]. — Minsk: Vysshaja shkola, 1973.
- [12] *Rajs F., Dolzhin K.* Psihologija podrostkovogo i junosheskogo vozrasta [Psychology of adolescence and youth]. — SPb.: Piter, 2010.
- [13] *Shaver B.M.* Dopros nesovershennoletnih [Interrogation of minors] // Socialisticheskaja zakonnost' [Socialist legality]. — 1938. — № 10.
- [14] *Bruck M., Ceci S.J.* The suggestibility of young children // Current Directions in Psychological Science. — 1997. — № 6.
- [15] *Cordon I.M., Pipe M.E., Sayfan L., Mclinder A., Goodman G.S.* Memory for traum; experiences in early childhood // Developmental Review. — 2004. — № 24.
- [16] *Cutshall J.L., Yuille J.C.* Field studies of eyewitness memory of actual crimes // Psychological methods in criminal investigation and evidence / ed. by D.C. Raskin. — New York: Springer, 1989.
- [17] *Gordon N.J., Fleisher W.L.* Effective interviewing and interrogation techniques // Interviewing Children and the Mentally Challenged. — 3rd ed. — 2011.
- [18] *Gross J., Hayne H.* Drawing facilitates children's verbal reports after long delays // Journal of Experimental Psychology. — 1999. — № 5.
- [19] *Jones D.P.H., Krugman R.D.* Can a three-year-old child bear witness to her sexual assault and attempted murder? // Child Abuse and Neglect. — 1986. — № 10.
- [20] *Landry K.L., Brigham J.C.* The effect of training in Criteria-Content Analysis on the ability to detect deception in adults // Law and Human Behavior. — 1992. — № 16.
- [21] *Leander L., Christianson S.Å., Granhag P.A.* (2007). A sexual abuse case study: Children's memories and reports // Psychiatry, Psychology, and Law. — 2007. — № 14 (1).
- [22] *Lewis M., Brooks-Gunn J.* Toward a theory of social cognition: The development of self // New Directions for Child Development. — 1979. — № 4.
- [23] *Lyon T.D.* Child witnesses and the oath: Empirical evidence // Southern California Law Review. — 2000. — № 73.
- [24] *Myers N.A., Berlmutter M.* Memory in the years from two to five // Memory development in children / ed. by P. Ornstein. — Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.
- [25] *Nelson K.* Where do taxonomic categories come from? // Human Development. — 1988. — № 31.
- [26] *O'Konnor R.D.* Relative efficacy of modeling, shaping and the combined procedures for modification of social withdrawal // Journal of Abnormal Psychology. — 1972. — № 79.
- [27] *Paz-Alonso K., Ogle C.M., Goodman G.S.* Children's memory and testimony in «scientific case studies» of child sexual abuse: A review // Issues in investigative interviewing, eyewitness memory, and credibility assessment: Festschrift for John Yuille. — NY: Springer, 2009.

-
- [28] *Priestley G., Roberts S., Pipe M.E.* Returning to the scene: Reminders and context reinstatement enhance children's recall // *Developmental Psychology*. — 1999. — № 35.
- [29] *Saywitz K.J., Thomas D. Lyon, & Gail S. Goodman* Interviewing Children // *The APSAC handbook on child maltreatment*. — 3rd ed. — 2011.
- [30] *Thompson W.C., Clarice-Stewart K.A., Lepore S.J.* What did the janitor do? Suggestive interviewing and the accuracy of children's accounts // *Law and Human Behavior*. — 1997. — № 21.